Л.Н.Тимофеева,
кандидат политических наук, доцент

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ

(Социально-исторический аспект)

Оппозиция как политический принцип

Одним из результатов качественных изменений в социальном процессе России после падения коммунистического режима в начале 1990-х гг. стало второе с начала XX века рождение института легальной и, что еще важнее, легитимной — признанной народом — оппозиции. В 1998 г. среди десяти демократических ценностей россияне назвали «наличие оппозиции, контролирующей президента и правительство»[1]. Казалось, Россия встала в один ряд с плюралистическими демократическими режимами, создав институциональные условия для постоянного диалога власти и общества через ее законных представителей. Интеллигенция, которая была во главе демократических преобразований в России, вздохнула свободно: решена одна из острейших проблем социальной коммуникации — проблема обратной связи общества с властью. Появились институты защиты народных интересов перед лицом российской власти — оппозиционные партии левого и правого толка, неолибералы, неокоммунисты, национал-патриоты. Действительно, в Россию пришло то, что, по выражению Марка Уолцера, является одним из открытий современной демократии, и в этом мы сделали шаг вперед по сравнению с древними греками. Открытие это «состоит в том, что, не убивая критика, мы приобретаем право им не восхищаться»[2], однако, добавим, и пользоваться плодами его труда на благо всего общества.

Задачи, которые решает тандем власти и оппозиции, связаны со служением общему благу через взаимный дискурс и оппонирование друг друга относительно лучшего социального проекта развития общества.

---

[1] См.: *Петухов В.* Политическое участие россиян: характер, формы, основные тенденции // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. С. 212.

[1] *Уолцер М.* Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999. С. 38.

Оппозиционность в России началась с диссенсуса и проявила себя в 1989 г. с оформления Межрегиональной депутатской группы, затем создания в 1990 г. Демплатформы в единственной тогда в стране партии — КПСС и оформления антикоммунистического движения «Демократическая Россия», которую возглавили выходцы из КПСС. Через десять лет право на оппозицию, критику властей в СМИ закрепилось в сознании россиян как обязательный принцип демократии (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка россиянами некоторых политических принципов демократии

(опрос проводил РОМИР в июле 1998 г.; ответы даны в %)

Некоторые политические принципы	Положительно	Не имеет значения	Отрицательно	Не могли дать ответ
Свобода выборов руководства страны	62,4	24,5	5,5	7,6
Свобода действий оппозиции	43,6	23,9	16,2	16,3
Свобода критики руководства СМИ	63,4	21,7	8,7	7,2
Свободно избранный парламент	48,9	27,8	7,4	15,9
Свобода выезда за границу	69,4	17,3	7,2	6,2
Не надо доказывать лояльность властям	37,8	30,7	8,6	22,9
Право на забастовки	55,9	21,4	13,5	9,2
Можно решать конфликты с властями в суде	54,1	26,8	6,2	13,8

С 1993 г. после принятия новой Конституции России и выборов в Государственную Думу первого созыва прошло три избирательных цикла. До 2003 г. в парламент, наряду с «партией власти», постоянно избирались оппозиционные партии правой и левой ориентации, национал-патриоты. Но уже в 2003 г. представители левой оппозиции АПР (набрали 3,64%) и правой — социально-либеральной оппозиции «Яблоко» (4,3%); радикально-либеральной оппозиции — СПС (3,97%) не попали в парламент, не преодолев пятипроцентный барьер, и не смогли сформировать в Думе своих фракций (см. табл. 2).

Таким образом, процент оппозиционеров в законодательном органе власти сократился. Означает ли это, что протестный потенциал общества, где, по данным опросов ВЦИОМ в 2003 г., примерно 20% «едва сводят концы с концами, денег не хватает даже на продукты питания, а более 20% заявляют, что терпеть наше бедственное положение уже невозможно», сходит на нет?

Таблица 2

Таблица попадания оппозиционных партий в парламент

Государственные Думы четырех созывов	Оппозиционные партии, блоки	Количество голосов избирателей, поданных «за», %
I созыв: 1993 — 1995 гг.	ЛДПР КПРФ АП «Яблоко» ДПР	23 12 8 8 5,5
	Итого:	56,5
II созыв: 1995 — 1999 гг.	КПРФ ЛДПР «Яблоко»	22,3 11,18 6,89
	Итого:	40,37
III созыв: 1999 — 2003 гг.	КПРФ СПС ЛДПР «Яблоко»	24, 29 8,6 6,04 5,98
	Итого:	44,91
IV созыв: 2003 — 2007 гг.	КПРФ Блок «Родина» ЛДПР	12, 61 9,02 11,45
	Итого:	33, 08

Можно предположить, что народ, разуверившийся в своих парламентских представителях, либо перестал доверять народным избранникам, либо решил канализировать свой гнев через протестное голосование «против всех».

Иную точку зрения высказывают эксперты в области протестного поведения россиян социологи А.В.Кинсбурский и М.Н.Топалов. Они считают, что в России изначально не было развито протестное движение, ежегодно в нем участвовало не более 1 — 2% взрослого населения, а потому народ сразу выбрал для себя протестное голосование: против коммунистического режима (сокрушительная победа ЛДПР на выборах 1993 г.), против либеральных рыночных реформ (провал в 1995 г. «Демократического выбора» Е.Гайдара, в 2003 г. — СПС Б.Немцова, И.Хакамады, Е.Гайдара, А.Чубайса и неудача «Яблока» в рамках статистической погрешности). «Относительно последнего можно заключить, что его основным содержанием должны были служить антилиберальные, антирыночные (просоциалистические, авторитарные), а также антиолигархические настроения. Именно

они составляют социальный фон парламентских выборов в России последнего десятилетия»[1].

Наряду с таким рационально-прагматическим подходом к оценке оппозиционных настроений в стране, доказательная база которого строится на фрустрации основных жизненных потребностей российских граждан, есть и другой, который объясняет все происходящее через феномен мозаичности, раздробленности менталитета россиян, вызванный не только социальным, но и духовным кризисом российского общества.

Однако во взаимоотношениях российской власти и оппозиции есть свои исторически и духовно обусловленные особенности, которые до последнего времени мешают им вносить существенный вклад в развитие российского социума. Более того, сегодня наблюдаются тенденции, которые свидетельствуют о том, что доверие к оппозиции постепенно утрачивается. Массовые социологические замеры «Левада-центра» показывают, что за последние два года доля россиян, признающих наличие оппозиции в стране, снизилась с 53% до 42%[2]. Одни исследователи говорят, что ее планомерно уничтожает власть на выборах с помощью административных, финансовых и информационных ресурсов; другие считают, что она сама теряет свое лицо, становясь все более конформной и безынициативной; третьи полагают, что протестная база оппозиции сохраняется и даже будет нарастать по мере повышения тарифов за коммунальные услуги и отмены льгот ветеранам, но не может найти достойного лидера и организацию (партию или профсоюзы), которые способны были бы заставить власть прислушиваться к голосу народа, и потому народный протест грозит выплеснуться за стены парламента, на улицы. О последнем свидетельствуют многочисленные стихийные и остро проходившие митинги пенсионеров (по некоторым данным, около 360 тыс. человек по всей стране), вышедших протестовать против не до конца продуманной и спрогнозированной политики монетизации льгот в январе 2005 г. КПРФ и «Родина» лишь использовали этот протест для повышения собственного влияния. ЛДПР, как всегда, выступила на стороне власти, вновь заставив о себе говорить как о фальшивой оппозиции и как о грандиозном проекте самой власти под стать «черносотенному» проекту начала XX века.

---

[1] См.: *Кинсбурский А.В., Топалов М.Н.* Социальное недовольство и протестное голосование на выборах в Государственную Думу // Конфликтология: теория и практика. 2004. № 1.

[2] Нужна ли России оппозиция власти? // Левада-центр. 3.06.2003 (www. le.ru/press/2004060302.html).

Что же происходит? Анализируя отношения власти и оппозиции в современной России, мы не всегда отдаем себе отчет в том, что сталкиваемся с артефактом — историческим и культурным явлением прошлого, которое имело место еще при создании Русского государства и которое по-прежнему находит отзвук в общественном сознании (или скорее подсознании) россиян XXI века. Отношение к оппозиции в России дважды фундаментально менялось с минуса на плюс в XIX, начале и конце XX века, но по-прежнему в глубинной памяти народа к ней сохраняется настороженное отношение.

Власть и оппозиция: история отношений

Начнем с максим власти относительно оппозиции в России. История русской оппозиции — это история «родовой травмы российской государственности», когда в XV — XVI вв. создавалось русское централизованное государство. Тогда возвышающаяся московская корона, спасая себя от оппозиции — переметнувшихся к противнику бояр и княжат, спасала государство, а значит, народ, его язык, веру, обычаи, что является первым уровнем самоидентификации нации. Междоусобица русских удельных князей часто приводила к печальным последствиям, как и нашествия извне в виде польско-литовского самозванства — Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, дважды потрясшие Россию в XVII в.; крестьянские войны, которые возглавили люди, назвавшиеся кто «воеводой царя Дмитрия» (Иван Болотников), кто «императором Петром III» (Емельян Пугачев); а также внутренняя измена во дворцах (XVIII в. вошел в историю как век бесконечных дворцовых переворотов); иностранные деньги (японские, немецкие, американские и др.), на которые поддерживалась оппозиция в целях создания нестабильности в стране, выхода ее из войны или разрушения ее суверенитета. Все это выступало под именем оппозиции законной власти.

Еще в XVI в. Иван Грозный в переписке с литовским перебежчиком и бывшим когда-то его единомышленником, другом детства князем Андреем Курбским формулирует несколько пунктов, которые на долгие годы стали характеризовать особенности отношения власти к оппозиции в России и которые можно обозначить одним словом: нетерпимость. Чем она обосновывалась государем и самим народом?

Во-первых, обосновывалось это христианской заповедью и легальностью передачи власти от отца к сыну — законному наследнику. Российский государь ссылается на слова апостола Павла: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти кроме как от Бога: тот кто противится власти, противится божьему повеле-

нию». «Кто противится Богу — тот именуется преступником, а это наихудший из грехов. А ведь сказано обо всякой власти, даже о власти, добытой ценой крови и войн. Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилием добыли царства[1], тем более поэтому, кто противится такой власти — противится Богу!»[2] .

Во-вторых, нетерпимость оправдывалась необходимостью укрепления обширного Российского государства[3] и борьбы с эгоистическими личными интересами княжат, бояр, дворян (современная версия — губернаторов?) и т.д. Иван IV в переписке с Курбским, впервые осмысливая роль русских государей в создании централизованного государства, говорит о себе как о «великом князе всея Руси», *который сам себя держит, свою державу*. Отвечая Курбскому на его предложение иметь мудрых советников из бояр, резюмирует, что российские самодержцы изначально сами владеют своим государством, а не бояре и вельможи.

В-третьих, неприязнь власти к оппозиции, как и наоборот — оппозиции к власти — основывалась на манихействе — религиозном и нравственном дуалистическом учении о борьбе добра и зла, света и тьмы как равноправных и изначальных принципах бытия, распространившемся в древние времена от Персии до Испании, не исключая России, найдя здесь благодатную почву. Если власть добродетельна, служит укреплению государства, то оппозиция ей безнравственна. Иван Грозный поучает визави: «Царь — гроза не для добрых, а для злых дел: хочешь не бояться власти — делай добро, а делаешь зло, бойся, ибо царь не втуне носит меч — в месть злодеям». «Ты бежал не от меня, а ради славы в этой кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради»[4].

Четвертая причина сложных отношений между властью и оппозицией объясняется (и по сию пору) слабой институциализацией феномена оппозиции в юридическом плане. Именно в период формирования Русского централизованного государства XV — XVII вв. возникла необходимость и стало формироваться понятие политического преступления — измены государственной власти. Но прежде всего оно сформировалось в республиканских регионах Руси (Новгороде, Пскове), поскольку государственность здесь порвала с традиционными формами наследственной монархии, а сменяемость власти

[1] Явное указание Иваном IV на законное наследование им власти от своего отца. — *(Л.Т.)*.

[2] См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 124.

[3] Уже при отце Ивана Грозного Василии III Российское государство раскинулось на территории в 2800 квадратных километров, а его население составляло 9 млн человек. — *(Л.Т.)*.

[4] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 124.

требовала правовой защиты. Кроме того, известный демократизм республиканских порядков предполагал и известную свободу вечевой полемики. Создавались трудности в формулировке «крамольных речей» (в современной транскрипции оппозиционных) . Потому Псковская Ссудная грамота называет только одно политическое преступление — «перевет», означавшее государственную измену и каравшееся смертью. Но уже Судебники 1497 и 1550 гг. делают шаг вперед в сравнении с Псковским кодексом. К перевету присоединяется «измена» как переход на сторону политического противника власти. Изменниками считались не только соотечественники, но и другие народы, нарушившие верность и клятвы Москве. А последняя нуждалась в таких мерах в период своего возвышения. Однако Псковская Ссудная грамота и судебники еще не знают понятий «бунт» и «восстание». Конкретизация этих деяний произойдет только при Петре I с развитием юридических конструктов и абстрактного понятия преступного. Для обозначения открытого противодействия власти летописцы использовали другие термины: мятеж, замятня, волнение и т.д. Главная цель в борьбе с политическими преступлениями заключалась *в поддержание государственной стабильности, хотя ее внешним выражением стала устойчивость самой короны.* Об этом пишет В.А.Рогов, исследовавший историю уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве в XV — XVIII веках. Но даже грандиозный разрыв власти и народа при Грозном не сразу вызвал светскую охрану династии. Понадобилось самозванчество, падение престижа монархов в Смуте, после чего лишь Уложение 1649 г. закрепило серию статей об охране монарха и особом порядке поведения вокруг этой особы. В последние годы жизни царя Ивана IV эта практика приобрела аномальный характер: летописи сообщают о тайной записи «людских речей» в массе населения[1]. Укрепилась общегосударственная система доносительства, тайные методы слежки в борьбе с инакомыслием (возникла особая форма судопроизводства — «слово и дело государевы», по которому за любое дурное слово о государе привлекали к уголовному преследованию), что в таком массовом масштабе повторилось только во времена правления И.Сталина. И по сию пору оппозиция в России слабо институциализирована.

В-пятых, единство народа в России долгое время обеспечивалось на основе религиозной веры или политической идеологии, которые формировали привлекательные для народа цели и ценности. После раскола единой Православной церкви в 1054 г., когда отпал католи-

[1] См.: *Рогов В.А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV — XVII вв. М., 1995. С. 90 — 97.

ческий Запад, а Русь сохранила верность православию, давление западных держав на Россию уже не прекращалось. Открытую форму объединенной агрессии и прямой внешней экспансии оно приобрело в 1147 г., когда глава Римской католической церкви папа Евгений III благословил «первый крестовый поход германцев против славян». Со вторым наши деды и отцы столкнулись в 1941 г. и тоже с благословения зарубежной церкви. Третий «крестовый поход» западный мир совершил против коммунистической идеологии, объединившей народ в атеистическом государстве XX века. По мнению известного политического обозревателя и консультанта А.Е.Бовина, Советский Союз окончательно развалился, когда рухнул «хребет» советской власти — единая идеология.

В-шестых, поддержка народом власти, а не оппозиции, нередко была связана с проблемой его собственной безопасности, геополитическим расположением России, которой приходилось неоднократно отражать нападения противника как с юга, так с запада и востока, и потому патерналистским восприятием народа власти и государства, только и способных его защитить. Историки подтвердят, что в первый период российской государственности (1055 — 1462 гг.) страна имела один год войны на один год мира, а во второй период — вплоть до XX века она в среднем два года воевала и один год жила в мире (это известные данные историка С.М.Соловьева и генерала Н.Е.Сухотина). На этом основании выдающийся русский мыслитель И.А.Ильин сделал вывод: чем труднее народу дается государственное объединение и чем необходимее оно в данный период его истории, тем сильнее должна быть государственная власть. Для него воля государства как разновидность человеческой воли предметно связана с этическим содержанием. И если оно отсутствует у правящей элиты, то положительное право переходит к оппозиции, деятельность которой сразу приобретает высокий этический смысл. Однако, если оппозиционная партия, стремящаяся к власти, имеет в виду не сопряжение общих интересов, а узко классовые интересы, такая партия, полагал Ильин, не имеет морального права на власть.

Нужна ли России политическая оппозиция?

Теперь приведем в качестве доводов максимы в защиту российской оппозиции.

Во-первых, сильная власть, которая, безусловно, нужна при большом государстве и многочисленном народе, сильной дифференциации страны по национальным, религиозным, хозяйственным и другим отличиям, вовсе не одно и то же, что власть тоталитарная, безграничная и бессовестная. У нее должны быть свои пределы и ограниче-

ния. Даже в период русского средневековья Андрей Курбский от имени оппозиции формулирует свое представление о государстве как о монархическом, но недеспотическом, и считает, что царь должен управлять вместе с избранными советниками, которые бы имели законное право выражать независимые суждения.

Во-вторых, по мнению И.А.Ильина (по своим убеждениям конституционного монархиста), сила власти определяется не размерами ее посягательств и готовностью прибегать к любым, даже дурным средствам. Власть сильна прежде всего ее духовно-нравственным авторитетом, достоинством и способностью импонировать гражданам. Не даром проницательные современники эпохи Пугачева говаривали: «Не Пугачев важен, важно общее негодование!!!». Да, бунт нужно было усмирить, но творческими направленными реформами и исправлением народного правосознания. «Ибо государство держится не штыком, а духом; не террором, а авторитетом власти; не угрозами и наказаниями, а свободною лояльностью народа»[1].

В-третьих, власть нуждается в критике, ибо она не в состоянии адекватно оценивать свою деятельность. Один из властителей дум русской интеллигенции Ж.-Ж.Руссо утверждал: «Видеть несправедливость и молчать — это значит, самому участвовать в ней». Он, как и многие другие интеллектуалы, сражался с несправедливостью по-своему — с точки зрения размышляющего и протестующего разума. Немецкий идеолог левогегельянства Б.Бауэр предложил в 30 — 40 гг. XIX в. понятие «критически мыслящая личность». Развивая идею Гегеля, что если революционизировать царство идей, то действительность не устоит, он прямо предлагал возложить задачу критики общественных институтов на «критические личности», обладающие высокоразвитым индивидуальным самосознанием и потому способные взять на себя функции носителя общественного идеала и борца за его осуществление (масса, отягощенная материальными заботами по поддержанию своего существования, этого сделать не может).

В России эти идеи повлияли на теоретическое самосознание лидеров русского народничества, став составной частью социальной философии П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского[2], считавших, что именно критически настроенная личность в силу своего нравственного убеждения в справедливейшем может творить историю. Их доктрина «хождения в народ», как и позже идея европейских коммунистов

---

[1] *Ильин И.А.* О сильной власти // Наши задачи. М.; Париж, 1992. С. 318 – 319.

[2] См.: *Лавров П.Л.* Исторические письма. СПб., 1870; Философия и социология. Избр. произв. в 2 т. Т. 2. М., 1965; *Михайловский Н.К.* Герой и толпа // Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 16; *Он же.* Научные письма (К вопросу о героях и толпе) // Полн. собр. соч. Т. 6.

строить партию, которая должна изменить мир, продолжает мысль о сознательной и критически настроенной организованной общественности, способной поднять народ и перестроить действительность. Критический интеллектуальный потенциал — главное оружие оппозиции. Критика, как известно, есть суждение о действительности, выносимое обычно с целью показа ошибочности, недостатков или несовершенства действий, дел, поступков людей. Это отрицательное суждение, которое направлено как на отыскание противоречий, так и на их разрешение (в традициях Гегеля и Маркса). С точки зрения теории конфликтов критика помогает вскрыть их корни, когда конфликт находится в латентной стадии — на этапе противоречий или в стадии зрелого открытого противостояния сторон — и лучше уяснить их предмет, причину, определить пути регулирования.

Собственно, ценность оппозиции заключается в том, что через социальную критику она ограничивает стремящуюся к расширению власть, контролирует ее повседневные шаги на предмет их соответствия общему благу и предлагает свои — лучшие, на ее взгляд, альтернативные решения и проекты.

В-четвертых, когда государственная власть, призванная «учить, лечить, защищать», не обеспечивает стандарты безопасной жизни, она заслуживает того, чтобы оппозиция отправила ее в отставку. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что наша власть на протяжении уже второго десятилетия сделала немало ошибок, которые отбросили страну по уровню и качеству жизни на последние места в мировой таблице благосостояния народов.

В-пятых, вслед за Екатериной II, твердо заявившей подданным, что «Россия есть европейская держава», пришедший к власти В.Путин на вопрос о том, к какой культуре принадлежит Россия ответил: европейской. Как и Екатерина он, очевидно, отталкивался от своего великого предшественника, основателя его родного города Петра Великого, насильно, но не без успеха вводившего европейские нравы и обычаи. Но в современной Европе порядок в стране обеспечивает именно конфликтно-дискурсная практика взаимоотношений власти и оппозиции. Власть предлагает стратегию и тактику развития страны, оппозиция зорко контролирует ее на предмет следования избранному курсу, критикует за ошибки и промахи, предлагает альтернативные проекты, готова сама сменить ее, формируя заранее свой «теневой кабинет», организует парламентские дебаты и расследования злоупотреблений властью. В парламентских республиках партийное большинство формирует и исполнительную власть, неся ответственность перед избирателями за свои программы.

В-шестых, политическая оппозиция представляет собой alter ego власти. Их конфликт в условиях современной демократии является

«конфликтом типа дебатов» или «типа игры по правилам», а в условиях тоталитаризма, диктатуры — «конфликтом типа схваток», если использовать типологию конфликтов американца А.Рапопорта. С точки зрения современной конфликтологии создание «партии критиков» означает, с одной стороны, эскалацию конфликтов в обществе, с другой — одновременно и их «опубликование» — легитимацию, институциализацию и структуризацию, что способствует их более быстрому, мирному, конструктивному разрешению.

В-седьмых, враждебность в противостоянии власти и оппозиции смягчается наличием в обществе постоянно действующего между ними института дискурса. Из общей теории конфликтов известно, что жестокость можно победить, институализировав отношения враждебности, периодически вспыхивающие в обществе между людьми и структурами. Так, кровную месть Европа «победила» через институт дуэли, дуэль — с помощью института суда. Смуты и революции также институализированы через демократические процедуры выборов власти и введения постоянно действующего института легальной оппозиции. На Западе это явление стало весьма будничным, во всяком случае с тех пор, как сэр Джон Хобхаус в 1826 г. пустил в оборот выражение «Оппозиция Ее (Его) Величества» по аналогии с выражением «Правительство Ее (Его) Величества». «Свобода оппозиции существующему правительству — фундаментальное право для демократии... и является признанием того факта, что оппозиция так же законна и существенна для государства, как и правительство»[1].

П.Бромхед пишет в «Словаре социальных наук»: «В специальном политическом смысле термин “оппозиция” обычно означает сплоченную группу людей, действующих совместно и способных представить себя электорату в качестве альтернативного правительства с альтернативной политикой»[2]. Но это на Западе, а у нас периодически поднимается вопрос о негативной, подстрекательской деятельности оппозиции и принимаются шаги к фактическому ее уничтожению.

В этой связи не таким безумным было предложение депутата В.И.Зоркальцева от КПРФ во II Государственной Думе об институциализации оппозиции, принятии Федерального закона «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации». У российской оппозиции существует «дисперсная» легальность[3], вы-

---

[1] *Theimer W. and Campbell P.* Encyclopedia of World Politics. L., 1950. P. 320.

[2] Dictionary of the Social Sciences / Complied under the Auspices of UNESCO. N.Y., 1964. P. 187.

[3] Почему «дисперсная» легитимность? Потому что у российской оппозиции нет единого сформулированного конституционного права оказывать сопротивление самоуправной власти. Ее права специально не сформулированы, оппозиция приравнена к остальным политическим партиям. — *(Л.Т.).*

раженная в различных политических правах и свободах (свобода слова; право на объединение; право собираться мирно и без оружия, проводить митинги, демонстрации, шествия; право участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранным; право на равный доступ к государственной службе; право на участие в отправлении правосудия; право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления) и легитимность меньшая, чем у власти, подтвержденная формальными результатами голосования. Но целостно выраженного права на оппозицию в законодательстве России нет, хотя в мировой правовой практике существуют такие прецеденты. В ряде стран, прежде всего англосаксонских, традиционно сложилась система правовых норм, специально регулирующих деятельность оппозиции, в первую очередь парламентской. Оппозиция вообще является одним из ярких институтов современного парламентаризма. Она имеет официальный статус, ее деятельность оплачивается из государственной казны.

Начало институциализации оппозиции положила Великобритания. Еще в XVIII в. один из первых теоретиков оппозиции англичанин Белингбрук обосновал конституционный принцип, который определял сферу ее лояльной деятельности. Смысл этого принципа заключается в обеспечении баланса власти, контроля и критики со стороны оппозиции действий правительства, внесении предложений, направленных на реформирование государственно-правовых институтов. Именно в Великобритании начался и процесс юридического признания политической оппозиции, когда закон о министрах короны 1937 г. установил ежегодное жалование лидеру «официальной оппозиции»[1]. В 1975 г. в Акте о жаловании министрам и другим лицам в ст. 2 было четко сформулировано понятие «лидер оппозиции»: «В настоящем акте выражение “лидер оппозиции” означает в той или другой Палате парламента члена этой Палаты, который в данное время является в ней лидером партии, находящейся в оппозиции к правительству Ее Величества, имеющей наибольшую цифровую численность в Палате общин»[2]. Именно лидер оппозиции назначает члена Палаты общин, который, наряду со спикером, лидером Палаты общин и тремя другими членами Палаты общин, назначаемыми этой Палатой не из числа лиц, являющихся министрами Короны, входит в Комитет Палаты общин, конституирующий весь персонал служб Палаты и устанавливающий их численность, вознаграждение

[1] См.: Очерки парламентского права (зарубежный опыт). М., 1993. С. 18.
[2] Конституции зарубежных государств: Учебное пособие. М., 1996. С. 83.

и статус их службы. *Лидер оппозиции в британском парламенте утверждается главой государства.*

Аналогичные положения предусматривают и законодательства большинства стран Британского Содружества (Австралия, Индия, Малайзия, Канада и т.д.). В некоторых из них положение о лидере оппозиции, порядке его назначения и правах включается в основной закон (Папуа—Новая Гвинея, Сейшельские острова, Фиджи). К примеру, ст. 84 конституции Сейшельских островов 1993 г. определяет порядок выборов и смещения лидера оппозиции и устанавливает, что его жалование и пособия не могут быть менее жалования и пособий министра и выплачиваются из консолидированного фонда.

Мировая практика законодательного регулирования оппозиционной деятельности приравнивает оппозицию к параллельному правительству и признает ее равноправие по отношению к закону. В странах, где понимают важность парламентской оппозиции для защиты прав человека, она целиком финансируется государством. В ФРГ, например, согласно закону 1994 г., каждая фракция, которая не поддерживает правительство, получает дополнительную (оппозиционную) надбавку. В Швеции фракции оппозиции получают за каждый депутатский мандат в два раза больше, чем фракции правительственного большинства. Таким образом, государство предоставляет оппозиционным партиям дополнительную материальную гарантию, обеспечивающую их плодотворную парламентскую деятельность.

Парламентской оппозиции гарантируется право получения официальной документации и необходимой информации. Права депутатов от парламентской оппозиции специально не выделены, но им, как и другим представителям партий в Думе, гарантирована возможность обращения в Конституционный Суд (в Конституции Российской Федерации это право зафиксировано в ст. 125, ч. 2.). Парламентская оппозиция в условиях демократического государства борется за власть легальным путем, исключая насильственные действия.

В последние годы законодательство ряда стран значительно шире регламентирует правовой статус оппозиционных партий (Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Колумбия, Португалия). В некоторых из них этот статус определяется не только конституцией или общими законами о политических партиях (Колумбия, Португалия, Гвинея-Бисау), но и специальными законами о правовом статусе оппозиции (закон 1991 г. Кабо-Верде; принятие аналогичного закона предусмотрено ст. 84 конституции Того 1992 г.).

Но как бы мы ни обсуждали проблему необходимости институциализации конструктивной оппозиции, главный вопрос сегодня за-

ключается в том, какая из оппозиционных партий в России заслуживает доверия народа, имеет конструктивную программу, способную вывести страну из экономического кризиса. Пока такой субъект не найдется, говорить о ценности оппозиции равноценно тому, что впустую сотрясать воздух. Эта оппозиция не должна бороться против Российского государства, разрушая его; она должна работать не на свои корыстные интересы, а ради общего блага.

Опрос общественного мнения Национальным фондом политики и журналистики (1050 человек в 23 регионах России в 1998 г.) показал: российские партии только на 9% представляют интересы всех россиян, в основном отстаивая интересы партийной верхушки.

Распределение ответов на вопрос, чьи интересы представляют российские партии? *(в %)*

Партийного руководства	45
Своих членов	27
Тех, кто финансирует их деятельность	10
Всех граждан России	9
Затруднились ответить	9

Возможно, по этой причине политическим партиям в 2004 г. доверяли только 8,7% опрошенных россиян[1].

Не менее важен вопрос и о самом государстве и умной власти. По мнению директора Института социологии РАН Л.М.Дробижевой, «рейтинг В.В.Путина достаточно высок, однако если раньше число людей, которые считали, что Путин понимает их нужды, составляло 12%, то теперь оно упало до 7%»[2]. Это означает, что в общественном сознании могут возобладать максимы оппозиционности по отношению к власти, хотя и без ведущей оппозиционной партии, по поводу государства, которое их не защищает. Попахивает стихией бунта. Ведь получается парадоксальный результат: реформы образования, медицинского обслуживания, ЖКХ и монетизация льгот фактически приводят к удорожанию государства и его услуг. За многое придется платить, но при этом реальные зарплаты и пенсии россиян настолько низки, что они не смогут себе позволить учиться, лечиться и просто выживать в этих условиях. И это на фоне коррупции, которая пропитала все этажи отношений в стране. Получается, что не всякий

[1] См.: Аналитический доклад ИКСИ РАН «Граждане России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998 — 2004 гг.)» // www.iksiran.ru.

[2] Цит. по: *Земляной С.* Дело Зубатова: американский след // Политический журнал. 2004. № 40. С. 54.

россиянин может себе позволить жить в России. Государство для немногих — это новая реальность страны.

Перед Российским государством по вине правительства могут замаячить огни «оранжевой революции». Этим легко воспользоваться внутренним «боярам и княжатам», а также внешним «Лжедмитриям». Но в этом будет виноват не народ, хотя расплачиваться придется ему. В итоге же мы можем получить стихийное сложение двух максим недоверия народа и к власти, и к оппозиционным партиям, которое в этом случае выльется в анархию. Опрос, проведенный Институтом комплексных социальных исследований РАН на тему: «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (1998 — 2004 гг.) показал характерную в этом смысле динамику. Хотя демократия без оппозиции невозможна (так по-прежнему считает большинство опрошенных), тем не менее число людей, отметивших эту позицию, уменьшилось с 49,5% в 1998 г. до 45,4% в 2004 г., что примерно совпадает с опросами Левады.

Видимо, у россиян появились и сомнения относительно того, что задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказывать помощь в его работе. Число людей, уверенных в том, что оппозиция должна помогать власти, а не критиковать ее, несколько поубавилось за четыре года: с 48,7% до 44,7%. Незначительно, но все же снизилось число тех, кто считает, что гражданин не должен иметь права на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку с 24, 9% в 1998 г. до 22,4% в 2004 г. Полностью с этим не согласны уже не 26,0 %, а 27% опрошенных[1]. Колебания между максимами поддерживать власть или поддерживать оппозицию в условиях утраты доверия к обеим опасны и могут в случае дальнейших грубых ошибок власти привести к выбору «третьего пути»: «чума на оба ваших дома».

Но есть и приятное известие, подтверждаемое многими исследованиями: значимость принципа равенства всех перед законом выросла в глазах населения с 53,9% до 59,1%. При этом россияне обещают стать законопослушными, когда власть сама начнет соблюдать законы.

[1] См.: Аналитический доклад ИКСИ «Граждане России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998—2004 гг.)» // www.iksiran.ru.